

ФУНКЦИИ ПЕРСУАЗИВНЫХ ЧАСТИЦ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов категории модальности – субъективной модальности, ее функциям как текстовой категории. На примере романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» показана роль частиц – модификаторов субъективно-модальных значений – в формировании модального поля текста, в выражении авторского отношения к героям и событиям произведения.

Ключевые слова: субъективная модальность, модификаторы, модальное поле текста.

© *Н. Топтыгина*

FUNCTIONS OF PERSUASIVE PARTICLES IN A NOVEL BY F. DOSTOEVSKY «THE CRIME AND PUNISHMENT»

Abstract. The article is concentrated on one of the aspects of modality – the subjective modality, its functions as a textual category. On the basis of the novel the role of particles as a modifiers of subjectivemodal meaning in a forming of modal field of text is shown. This role is expressed by the authors attitude to the characters and the events of the novel.

Key words: subjective modality, modifiers, modal field of the text.

Понимание субъективной модальности как важного текстообразующего фактора нашло отражение в ряде исследований по синтаксису и текстологии. Изучение модусного плана текста, в частности его субъективно-модальных значений, приобретает особую значимость при рассмотрении индивидуального стиля писателя, его мировоззрения, художественного кредо: «Приращение смысла в тексте происходит за счет увеличения объема модусного плана в высказывании, поэтому задача описания семантики речевой актуализации в основном совпадает с задачей выявления модусного плана высказывания» [1].

Специфика субъективно-модальных значений, выявляемых в художественном тексте Ф.М. Достоевского, отражает личностные установки писателя, его творческое видение. Модификаторы субъективной модальности становятся неотъемлемой характеристикой языковой личности писателя. В связи с этим представляется актуальной мысль о том, что «языковая личность формирует свою собственную систему отражения мира на основе общей языковой системы, заставляя семантику языкового знака стать носителем ее собственного видения событийного факта. В речи, с одной стороны, отражается объективная реальность, с другой стороны, выражается субъективный мир говорящего, его отношение к описываемому – в этом заключается амбивалентность языкового знака, проявляющаяся на всех уровнях формирования смысла» [2].

Персуазивные частицы входят в круг основных средств, формирующих субъективную модальность высказывания наряду с интонацией и вводно-модальными компонентами. Наличие в предложении персуазивных частиц обусловлено коммуникативным заданием – воздействовать на адресата речи, выразить субъективное отношение к содержанию высказывания. Актуализация модусного компонента прежде всего характерна для художественного текста, в котором становятся важными те лексические и синтакси-

ческие средства, которые формируют не пропозитивное, а интерпретационное значение предложения. Сказанное справедливо в отношении текста романа Достоевского «Преступление и наказание», в котором употребление частиц с субъективно-модальным значением способствует раскрытию внутреннего состояния его главного героя – Родиона Раскольникова.

Заслуживает внимания то, что в отрывках, характеризующих душевное состояние Раскольникова, его переживания, мучительные раздумья, колебания, преимущественно используются две частицы со значением проблематической достоверности – *как бы* и *как будто*. Показательно, что в тексте названные персуазивы сближаются на основе общности семантической функции: ‘употребляются для указания на то, что речь идет о чемто кажущемся, мнимом’ [3], ‘для указания на предположительный характер высказывания, на сомнение в достоверности чеголибо’, ‘на то, что реальность только внешне похожа на утверждаемое’ [4]. Например: *Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать; Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чемто внезапно пораженный; Чтото совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какаято жажда людей; Но какаято рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать, забывал о главном и прилеплялся к мелочам.*

В приведенных примерах персуазивные частицы сдвигают реальное объективно-модальное значение предложений в сторону полюса ирреальности. Содержание высказывания перестает быть абсолютно достоверным, и все, происходящее с Раскольниковым, предстает в призрачном, неопределенном свете.

Анализ языкового материала показывает, что исследуемые частицы не только придают высказыванию или его компонентам предположительный, недостоверный характер, но и становятся средством выражения логического ударения, своеобразными маркерами рематической части высказывания, то есть участвуют в построении его коммуникативной перспективы.

В описании героя в качестве рематической доминанты выступает характеристика его внутреннего мира. И персуазивные частицы *как бы*, *как будто* становятся дополнительным средством показа душевных борений Раскольникова наряду с другими лексическими средствами – неопределенными наречиями и местоимениями, словами с семантикой кажимости, неуверенности и пр.: *Впоследствии, когда он припоминал это время и все, что случилось с ним в эти дни, минуту за минутой, пункт за пунктом, черту за чертой, его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя, в сущности, и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потом **как бы какимто** предопределением судьбы его; И во всем этом деле он всегда потом наклонен был видеть некую как бы странность, таинственность, как будто присутствие какихто особых влияний и совпадений; Но чтото было в нем [Мармеладове] очень странное; во взгляде его светилась **как будто** даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то же время мелькало **как будто** и безумие.*

Достоевский побуждает читателя переноситься на точку зрения Раскольникова, воспринимать мир его глазами. Предположительная семантика исследуемых частиц придает повествованию призрачность, эфемерность. Использование частиц способствует субъективизации повествования: незаметно для себя мы вовлекаемся в сферу размышлений героя, его терзаний и сомнений, воспринимаем его душевную драму более глубоко. И даже на все происходящие события и на окружающих его лиц смотрим его – Раскольникова – глазами. В сцене убийства читатель словно оказывается в одной комнате с Раскольниковым: *Вдруг явственно послышался легкий крик или как будто кто тихо и отрывисто*

простонал и замолчал; Кох остался, пошевелил еще раз тихонько звонком, и тот звякнул один удар; потом тихо, как бы размышляя и осматривая, стал шевелить ручку двери, притягивая и опуская ее, чтоб убедиться еще раз, что она на одном запоре. Устранение частиц в приведенных примерах неизбежно переводит повествование в объективный план, лишает его напряженности и драматизма, и картина видится нами уже со стороны, извне: «вдруг явственно послышался легкий крик или кто-то тихо и отрывисто простонал и замолчал»; «Кох остался, пошевелил еще раз тихонько звонком, и тот звякнул один удар; потом тихо, размышляя и осматривая, стал шевелить ручку двери...».

Представляется интересным, что в отрывках, описывающих состояние самого Раскольникова или его восприятие окружающей действительности, количество употреблений частиц *как бы* и *как будто* серьезно превышает число их употреблений в других частях текста, что позволяет считать названные лексемы своеобразными сигналами, маркирующими переход от речи автораповествователя к внутренним монологам главного героя. При этом персуазивные частицы вступают в семантические отношения со всем предложением, и тогда модальность сомнения, предположения окрашивает все высказывание: *Этот ничтожный трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание; Вдруг как будто кто-то шепнул ему что-то на ухо.*

Или каким-либо его членом, главным или второстепенным:

– подлежащим: *Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, а именно нечто как бы оправдывавшее название «жениха», так бесцеремонно ему сейчас данное; Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей;*

– сказуемым: *Все тело его было как бы разбито; смутно и темно на душе; Случалось, что он как будто и просыпался, и в эти минуты замечал, что уже давно ночь, а встать ему не приходило в голову; Голова его как будто опять начинала кружиться;*

– определением: *Была же Лизавета мещанка, а не чиновница, девица, и собой ужасно нескладная, росту замечательно высокого, с длинными, как будто вывернутыми ножищами, всегда в стоптанных козловых башмаках, и держала себя чистоплотно;*

– обстоятельством: *Но что же, за какое дело? – он как будто бы теперь, как нарочно, и забыл...; Как бы с усилием начал он, почти бессознательно, по какой-то внутренней необходимости, всматриваться во все встречавшиеся предметы...; «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..» как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова...*

– дополнением: *Чувства ли его были так изошрены (что вообще трудно предположить), или действительно было очень слышно, но вдруг он различил как бы осторожный шорох рукой у замочной ручки и как бы шелест платья о самую дверь.*

В этом случае персуазивные частицы *как бы* и *как будто* маркируют рему высказывания, выраженную главным или второстепенным членом, способствуют дополнительной актуализации важной для говорящего информации – показу субъективных движущих мотивов поведения главного героя романа, его внутреннего состояния, постоянной глубокой работы мысли.

Наблюдения над функционированием частиц *как бы* и *как будто* в тексте «Преступления и наказания» подтверждают, что субъективная модальность является не только необходимым конструктивным элементом отдельного предложения, но и важным текстообразующим фактором. И.Р. Гальперин впервые проанализировал структуру и семантику субъективной модальности как текстовой категории: «Представляется целесообразным разделить субъективнооценочную модальность на фразовую и текстовую. Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то

текстовая, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания..., в актуализации отдельных частей текста...» [4]. Сходной точки зрения придерживается Г.Я. Солганик, который, размышляя над синтаксисом целого текста, отмечал единство его субъективно-модальной окраски. По мнению исследователя, каждая прозаическая строфа текста представляет собой сложное синтаксическое целое и обладает внутренним един

ством, при котором отдельные предложения связаны определенным отношением субъекта речи к содержанию высказывания [5].

Исследуемые персуазивные частицы, наряду с другими лексическими средствами, как раз и являются одним из способов выражения авторского отношения к событиям романа, в том числе к его главному герою. Достоевский сочувствует Раскольникову, для которого внешний мир оказывается источником постоянной пытливой работы мысли, наблюдений и беспокойства, нравственных мучений. *Как бы* и *как будто*, включенные в отдельные отрезки текста, фиксируют внимание читателя прежде всего на субъективно-оценочной модальности, они создают ту своеобразную атмосферу призрачности, неясности, неустойчивости, которой Достоевский окружает многие факты и эпизоды романа: блуждания Раскольникова по городу, сны главного героя, его знакомство с Мармеладовым, убийство старухи, встречу с на бульваре с несчастной девушкой и многие другие. В одном из снов главного героя названные частицы повторяются многократно в пределах строфы: *Странно: лестница была как будто знакомая!; В самую эту минуту в углу, между маленьким шкафом и окном, он разглядел как будто висящий на стене салон; Он подошел потихоньку и догадался, что за салоном как будто кто-то прячется; Вдруг ему показалось, что дверь из спальни чуть-чуть приотворилась и что там тоже как будто засмеялись и шепчутся; Он тяжело перевел дыхание, – но странно, сон как будто все еще продолжался.* Это специфическое модальное поле, выраженное частицами, ослабевает, по видимому, к концу романа, знаменуя нравственное перерождение Раскольникова, его возврат к новой жизни и обретение духовной опоры.

Наблюдения над функционированием персуазивных частиц в тексте романа подтверждает мысль о том, что всякая единица сообщения является продуктом творческого акта. Употребление лексем *как бы* и *как будто* связано с коммуникативным замыслом произведения, выявляет субъективное отношение говорящего к описываемым фактам, событиям, выполняет существенную роль в формировании субъективной модальности отдельного предложения и текста в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моница Т.С., Казанцев С.А. Система грамматических значений предложения. – М., 2007. – С.14.
2. Там же. – С. 13.
3. Словарь структурных слов русского языка. – М., 1997. – С. 158.
4. Там же. – С. 159.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 115.
6. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М., 1991. – С. 79.